

Но на этот раз ему пришлось играть с Шэнь Таном, и он понял, что этот человек обладает великолепным актёрским мастерством, даже способен вести за собой сцену. Его собственный ритм незаметно для него самого начал подстраиваться под Шэнь Тана.

Дуань Чэнъин:

— Стоп!

Шэнь Тан мгновенно сменил выражение лица и посмотрел на Дуань Чэнъина. Сцена ещё не была закончена, и он не понимал, что не понравилось режиссёру. Дуань Чэнъин обошёл монитор, переступил через рельсы и реквизит, подошёл к ним и сказал:

— В целом неплохо, но эмоций недостаточно.

Он посмотрел на Тан Юйсюаня:

— Тот момент, когда ты касаешься его руки, слишком короткий. Как это написано в сценарии?

Тан Юйсюань ответил без запинки:

— Сюй Хуа берёт перчатки и намёком скользит рукой по тыльной стороне ладони Чу Аня.

Шэнь Тан подумал: «Помнит слово в слово. На самом деле у Тан Юйсюаня неплохая память на реплики и сценарии».

Дуань Чэнъин кивнул:

— Именно «скользит», но это не должно быть просто лёгкое касание. Здесь скрыты эмоции, которые ты должен прочувствовать и передать.

Шэнь Тан подумал: «Старик опять несёт чушь».

Дуань Чэнъин повернулся к Шэнь Тану:

— Сяо Тан, ты неплох, уловил суть, но этого недостаточно, понимаешь? Помимо реплик, язык тела и эмоции должны быть более насыщенными! Понимаешь, чего я хочу?

Шэнь Тан серьёзно кивнул:

— Вы хотите, чтобы я раскрепостился ещё больше?

Дуань Чэнъин удовлетворённо сказал:

— Именно, ты быстро схватываешь.

Шэнь Тан сухо усмехнулся, подумав: «А ты бы сам попробовал снять порно».

Он хорошо знал привычки режиссёра Дуань. Тот всегда говорил о том, как важно использовать смелые приёмы съёмки, чтобы раскрыть актёрскую природу, но на деле это означало, что он был готов снимать что угодно. Неудивительно, что несколько его фильмов так и не вышли в прокат в материковом Китае. Шэнь Тан считал, что это пустая трата времени, ведь такие сцены в итоге всё равно вырежут. Но Дуань Чэнъин был тем типом режиссёра, который требовал полного контроля на съёмочной площадке. Если что-то шло не так, как он хотел, он мог заставить актёров переснимать сцену десятки раз, пока не будет доволен.

Дуань Чэнъин сказал:

— Осмыслите это, и продолжаем.

Шэнь Тан послушно взял сценарий, который протянул ему Цю Ян, и сделал вид, что внимательно его изучает. На самом деле он уже хорошо изучил его до начала съёмок. Если Дуань Чэнъин хочет, чтобы он раскрепостился, то он так и сделает. Как потом это будут монтировать — это уже забота монтажёров и самого режиссёра. Ассистент режиссёра хлопнул хлопушкой:

— Вторая сцена, четвёртый кадр, третий дубль! Мотор!

Шэнь Тан быстро вошёл в роль, на этот раз с ещё большей эмоциональной отдачей. Когда он позже сам взял и укрыл своей рукой руку Тан Юйсюаня, который держал чашку, даже выражение лица Тан Юйсюаня изменилось. По какой-то причине, чем больше он контактировал с Шэнь Таном, тем больше замечал, что некоторые его взгляды и мелкие жесты напоминали того самого человека. Шэнь Тан в это время был сосредоточен на репликах:

— Теперь тебе теплее? У меня с детства холодные руки, и мама всегда так согревала их.

Тан Юйсюань вдруг осознал, что перед ним был вовсе не «Шэнь Тан», а его персонаж «Чу Ань». Он поспешил вернуться в роль и произнёс свою реплику:

— Говорят, на Юге зимы даже холоднее.

Внутри он почувствовал, как холодный пот проступил у него на спине.

В отличие от Сяо Цзина, который намеренно искал следы «Шэнь Тана», тоска Тан Юйсюаня по нему имела оттенок страха, подобно «любви к драконам» Е Гуна. Он действительно скучал по нему, но свои поступки он помнил слишком хорошо, чтобы осмелиться встретиться с ним лицом к лицу.

Шэнь Тан тоже играл эту сцену через силу. Что за «раскрепощение», он чувствовал себя сейчас крайне неловко, словно какой-то отчаянный нулевой номер, томящийся от неудовлетворённости. Но такова природа кино: то, что кажется неловким на съёмочной площадке, может выглядеть великолепно на экране.

И действительно, Дуань Чэнъин удовлетворённо крикнул:

— Стоп!

Сяо Цзин, конечно, знал стиль съёмок Дуань Чэнъина, но раньше, когда тот снимал романтические сцены между мужчиной и женщиной, он хотя бы использовал свет, музыку и декорации, чтобы создать атмосферу. Весь экран был наполнен нарастающим напряжением, и только в конце был смелый, но быстрый кадр.

Но кто бы мог подумать, что при съёмке мужских пар он будет использовать столько физического контакта?

Сяо Цзин был недоволен, но не мог ничего сказать — ведь это он сам всё организовал. Поскольку это был первый день съёмок, Дуань Чэнъин решил дать двум главным актёрам больше времени для привыкания друг к другу, поэтому объём работы был небольшим.

Затем снимали сцены с второстепенными персонажами. У Цзян Ло сегодня не было сцен, но как второстепенный актёр он должен был находиться на площадке в режиме ожидания. Он не мог никуда уйти и поэтому видел, как Дуань Чэнъин хвалил Шэнь Тана. Его лицо выражало ярость. Это был уже второй раз, когда Шэнь Тан отбирал у него то, что должно было принадлежать ему!

После церемонии открытия съёмок новости о его провале распространились повсюду. То, как он раньше высокопарно хвастался контрактом на «Возлюбленного номер двадцать четыре», теперь обернулось против него. Фанаты Шэнь Тана, которые изначально не верили в это, после просмотра интервью в день открытия съёмок, теперь были уверены, что это была неуклюжая пиар-акция, организованная самим Цзян Ло.

Что ещё обиднее, они даже не стали его особо ругать, а просто высмеяли: «Разве ты не получил главную роль? Может, ты ошибся с контрактом?», «Советую сменить пиар-команду. Эта акция была просто смешной, я уже посмеялся, ха-ха-ха-ха», «А что ты говорил? Дуань Чэнъин искал своего героя десять лет? Надеюсь, у тебя будет больше трёх реплик», «Затмить моего Тана? Ха-ха-ха-ха».

Цзян Ло не выдержал и убрал телефон, но как раз в этот момент увидел, как Дуань Чэнъин продолжает хвалить Шэнь Тана. Его кровь закипела ещё сильнее.

Шэнь Тан тоже чувствовал, что давно не снимался в кино, но на этот раз всё шло хорошо. Он попрощался с режиссёром Дуань и в хорошем настроении закончил рабочий день. Лёгкой походкой он подошёл к Сяо Цзину и весело сказал:

— Брат Цзин, ты ещё не ушёл?

Сяо Цзин и сам не знал, почему он остался смотреть, как Шэнь Тан целый день флиртует с другим мужчиной. Увидев, что Шэнь Тан в таком приподнятом настроении, он почувствовал ещё большее раздражение. Он лишь хмыкнул в ответ. Шэнь Тан сказал:

— Отлично, поедem домой.

Услышав слово «дом», Сяо Цзин почувствовал себя необъяснимо лучше. Тан Юйсюань тоже закончил съёмки. Цзян Ло должен был остаться на площадке, но он не собирался его ждать. Современные костюмы легко снимать, и Тан Юйсюань уже был одет в свою обычную одежду. Он вежливо попрощался с Сяо Цзином:

— Брат Цзин, я пошёл.

Сяо Цзин слегка кивнул, его взгляд упал на палец Тан Юйсюаня:

— Кольцо неплохое.

Тан Юйсюань фальшиво улыбнулся:

— Пустяк, просто для развлечения.

Сяо Цзин многозначительно сказал:

— Не думаю, что это пустяк.

Ведь это нефритовое кольцо лучника было куплено на золотую карту Шэнь Тана.

Шэнь Тан, увидев кольцо, почувствовал неловкость, но он не знал, что Сяо Цзин видел это кольцо раньше. Поэтому он сделал вид, что ничего не происходит, и стоял в стороне, притворяясь глупым.

Тан Юйсюань вдруг сказал:

— Сяо Тан, было приятно с тобой работать.

Шэнь Тан удивился. Это был первый раз, когда Тан Юйсюань сказал ему что-то столь длинное. Раньше он всегда относился к нему как к пустому месту. Эта внезапная вежливость застала его врасплох, и он автоматически ответил:

— Спасибо, мне тоже было приятно.

Сяо Цзин вдруг схватил Шэнь Тана за руку:

— Пошли.

И они прошли прямо мимо Тан Юйсюаня.

Тан Юйсюань: ...

Тан Юйсюань смотрел на их удаляющиеся спины, задумчиво, затем развернулся и направился к своему фургону.

Сяо Цзин и Шэнь Тан сели в машину и всю дорогу молчали. Поскольку съёмки проходили в Пекине и локации были разбросаны, Шэнь Тан не останавливался в отеле, предоставленном съёмочной группой, а вернулся в квартиру Сяо Цзина.

Пожив там некоторое время, он начал ощущать это место как «дом». Молодой актёр, глупая кошка и просторная, но не слишком большая квартира. Жаль только, что этот «молодой актёр» с самого утра как будто игнорировал его.

Шэнь Тан не понимал, в чём дело, и сам подошёл:

— Брат Цзин?

Сяо Цзин, вернувшись домой, сел за настольный компьютер и начал просматривать какие-то письма, не обращая внимания на Шэнь Тан. Шэнь Тан не сдавался:

— Брат Цзин, ты собираешься сниматься в новом фильме?

Сяо Цзин открыл внутреннюю почту компании прямо перед Шэнь Таном, но, хотя Шэнь Тан знал все слова по отдельности, вместе они не имели для него смысла — сплошные профессиональные термины.

Шэнь Тан вдруг вспомнил, что этот великий знаменитый актёр на самом деле был выпускником Принстонского университета, факультета финансов. Сяо Цзин наконец заговорил:

— Нет, я не собираюсь сниматься.